

О «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.БУЛГАКОВА

При создании художественного образа выбор имени персонажа для многих писателей становится важной составляющей. В именах героев авторы подчеркивают те или иные свойства характера, выделяют качества, которые представляются им важными. Такой подход в обрисовке образа имеет давние традиции как в русской, так и в мировой литературе. Достаточно упомянуть героев Гоголя, Достоевского или Салтыкова-Щедрина [1-2]. А вот в русской литературе 18 века персонажи наделялись исключительно «говорящими» именами и фамилиями [3]. Вспомним хотя бы всех этих Цифиркиных, Простаковых, Скотининых и др. Каждый из этих героев был носителем какого-то одного качества, которое выражалось именем или фамилией героя, что, впрочем, вполне вписывалось в поэтику классицизма.

Не меньший интерес представляют также имена и фамилии, которыми называет своих персонажей М.Булгаков[4]. Принципы их образования у писателя чрезвычайно разнообразны. В подавляющем большинстве случаев имена булгаковских героев, безусловно, следует отнести к «говорящим». Писатель находил для них такие имена, которые обладали большей информативностью, чем обычные. Некоторые из них образованы на основе устаревших русских или иностранных имен. В основе других лежат реалии и понятия, актуальные в эпоху, в которую жил и творил М.Булгаков. Имена булгаковских персонажей могут заключать аллюзию, указывать на известные исторические события или лица, их качества характера, содержать некий потаенный смысл. Особенно много таких внутренних связей в главном произведении писателя – романе «Мастер и Маргарита»[5]. Кстати, на фоне разнообразных словообразовательных средств, задействованных Булгаковым для названия своих персонажей, отсутствие имени также становится символичным, знаковым явлением и получает своеобразную информативность (ср. в романе «Мастер и Маргарита» главный герой не называется по имени).

Среди имен собственных булгаковских персонажей выделяется группа, которую составляют имена, совпадающие или, по крайней мере, напоминающие имена и фамилии реальных персон и известных исторических лиц.

В других случаях имена персонажей, в частности фамилии, составлены не по моделям русских патронимических фамилий и

напоминают скорее стилизацию на иностранные имена, например, Сен-Зин-По, или являются плодом какого-то писательского «озорства»: Бутон-Нецелованный или Пончик-Непобеда и др.

Имена некоторых персонажей напоминают псевдонимы или функционируют как таковые. Однако, каким бы способом они ни были образованы, какие бы словообразовательные средства ни были задействованы для их образования, всем этим именам собственным булгаковских персонажей присуще одно неизменное свойство – необыкновенная авторская ироничность, умение подмечать в художественных образах смешное и передавать это качество в именах персонажей. Писатель не упускает случая посмеяться над героем, поддеть его, весело обыгрывая с этой целью его имя.

Для этого М.Булгаков выявляет такие оттенки в мотивирующих основах, которые активизируют их смысловые возможности. Применяя весь арсенал словообразовательных средств, автор создавал как подчеркнуто традиционные, так и совершенно оригинальные имена собственные. Причем, и те, которые соответствуют русским традиционным моделям имен собственных (Мухин, Петухов, Колобков), и другие, являющиеся сугубо авторскими образованиями, в равной мере отмечены неизменным булгаковским юмором. В фамилиях первого типа юмористичность создается благодаря тому, что писатель как бы возвращает мотивирующим основам их первоначальное, основное значение, называя персонажей своих сатирических рассказов и фельетонов именами, мотивированными словами муха, шука, ежик и др.

В других случаях мотивирующей основой могут служить слова со значением реалий, так сказать, «гастрономического» порядка (сосиски, горошек и др.). И появляются такие фамилии, как Банкин, Закускин, Сосискин, Горошков, Мускат и даже Ветчинкевич. Так названы также герои все тех же фельетонов и сатирических рассказов, посвященных бытописанию советской действительности 20-30-ых годов прошлого столетия. «Приземленность» этих персонажей, их явное предпочтение «гастрономических» радостей жизни, подчеркнутое их именами, - хороший повод, чтобы посмеяться над ними.

В основу некоторых фамилий легли слова с медицинской тематикой, что, безусловно, объясняется первоначальной врачебной профессией М.Булгакова. И вот рождаются герои по фамилии Бинтов, Пролежнев, Микстурина, Порошков, Пузырев и, наконец, Стрихнин. В основе всех этих фамилий лежат исконно русские модели образования патронимических фамилий с помощью суффиксов -ов, -ев, -ин. Вместе с тем они напоминают скорее шуточные прозвища, которые обычно даются людям той или иной профессии. В фамилии Стрихнин последний слог омонимично совпадает с суффиксом -ин со значением принадлежности.

Известный медицинский препарат удачно вписался в структурную модель русских фамилий, образованных с помощью указанного суффикса –ин, а его горький вкус, соотносясь с данным персонажем, вызывает определенные ассоциации.

Не меньший интерес представляют прозвищные фамилии Сладкий, Печальный, Косой, Могучий, Угрюмый, Практичный, Безродный, Всемизвестный, Босой, Безродный и др., представляющие из себя прилагательные в именительном падеже. Все эти фамилии отмечены яркой метафоричностью и напоминают скорее псевдонимы, тем более что фамилии Сладкий, Печальный, Безродный, Богохульский принадлежат поэтам, а Тихим назван не кто-нибудь, а начальник контрразведки, которому и по роду деятельности нужно быть «тихим». Кстати, среди имен собственных этого типа выделяются и такие, которые мотивированы топонимами, причем, как подчеркнуто экзотическими (Жорж Бенгальский, Ида Геркулановна), так и выявляющими явное сходство с известными российскими именами собственными: Гусь-Ремонтный (сравнить: Гусь – Хрустальный).

Эти фамилии, напоминающие псевдонимы, образованы как бы от противного, ведь в псевдонимах зачастую акцентируется как бы противоположный признак. Так, например, рыжих обычно называют черными, худых – толстыми и так далее (сравнить: в «Мастере и Маргарите» фамилией Босой назван отнюдь не бессребренник).

Как и остальным именам, этой группе имен собственных также присуща подчеркнутая ироничность, некая даже манерность. По этим именам можно составить определенное мнение о творчестве этих лиц, о характере их поэзии. Авторская ирония выражена в них более чем отчетливо: Печальный, Богохульский (сравнить с такими именами собственными, как С.Черный, А.Веселый, А.Белый и др., образованными по той же модели и к тому же являющимися псевдонимами известных художников).

Некоторые имена собственные, в основе которых лежат слова со значением привычных реалий, звучат на иностранный манер благодаря нетипичным суффиксам. Например, в «Дьяволиаде» одного из персонажей Булгаков назвал звучной фамилией Кальционер. Мотивирующей основой для данной фамилии служит слово со значением атрибута мужского белья, а присоединенный суффикс –ер указывает на лицо, названное мотивирующей основой. Причем, суффикс –ер придает фамилии оттенок иностранного. Сравнить: Винтер, Тернер и т.д. Однако легкий налет необычности не может скрыть убийственной иронии автора в его отношении к своему персонажу.

Фамилии, созданные автором «Мастера...», зачастую порождают разнообразные ассоциации. Например, фамилия де Фужер с явным

французским налетом ассоциативно связывается с другой фамилией – известного ювелира, поставщика императорского двора Фаберже. Причем, основания для таких ассоциаций лежат как в лингвистической, так и экстралингвистической плоскостях. На экстралингвистическом уровне их сближает такая деталь: фамилией де Фужер названа «вдова ювелира». А на лингвистическом уровне важным сближающим фактором становится звуковой облик этих двух имен собственных. Имена де Фужер и Фаберже отличаются лишь одним консонантом, составив типичную паронимическую корреляцию. Кстати, это не единственный случай подобного рода. Сравнить: Болботун – умелая стилизация под украинские фамилии (Стригун, Моргун и др.), которая к тому же может притянуть в свою звуковую орбиту слово «болтун» с ярко выраженным семантико-стилистическим значением, образовав паронимическую корреляцию.

Экстралингвистический фактор – теперь уже, скорее, на понятийном уровне – скрыт в фамилии Сергея Павловича Голубкова, «сына профессора – идеалиста из Петербурга», как сказано в списке действующих лиц пьесы «Бег».

Принцип звукового сходства прослеживается и во многих других примерах, находя разнообразные выражения. Например, один из персонажей в «Записках на манжетах» назван Василием Ивановичем Лисевичем: имя и фамилия персонажа опираются на один и тот же консонантный состав, но с обратным порядком их следования, образуя метатезу.

Иногда имена собственные, отмеченные звуковой игрой, имитируют экзотические имена. Так, один из персонажей в «Зойкиной квартире» назван смешным именем Ган-Дза-Лин. Остальные действующие лица, играя на фонетическом сходстве, называют его Газолином, что звучит как настоящая пародия на китайские имена и одновременно называет необходимую в то время в быту реалию. Тот же принцип фонетического сходства ощущается в имени Херувим, которое, если разделить на слоги, также может сойти за китайское имя.

Применение звукового сходства при образовании имен собственных получает самые неожиданные формы. Например, одному из своих персонажей Булгаков придумал смешную фамилию Ламца-Дрицер, образованную на основе междометного сочетания. Присоединение суффикса –ер, называющего лицо по отношению к предмету по характерному занятию, действию, названному мотивирующей основой, придает этому шутливому и, так сказать, легкомысленному междометному сочетанию форму фамилии. Стилизованные на иностранный манер, эти и другие, не менее остроумные, смешные, несурзные мотивирующие основы в сочетании с вполне стандартными и типичными для фамилий суффиксами породили следующие булгаковские имена собственные: Артур Диктатурыч, Генриетта Персимфанс, Птолемеев, Алоизий Могарыч и др.

Однако об одном имени собственном следует сказать особо. Для этого имени мотивирующей основой послужил топоним Азербайджан, причем, в несколько искаженном – Азебержан – варианте, к которому присоединен типичный для армянских фамилий суффиксальный морф – ян. Соединение этих двух словообразовательных морфем позволило создать весьма оригинальное образование, этакий невероятный гибрид – фамилию Азебержаньян. Нет никакого сомнения, что писатель намеренно свел данный топоним с типично армянским суффиксом, потому что подобное соединение, учитывая традиционное противостояние, являлось фантастическим как в эпоху писателя, в начале 20-ых годов, так и в наше время.

Склонность к фантазированию, необыкновенный дар писателя создавать такие имена собственные, основу которых составляют даже взаимоисключающие признаки, является, на наш взгляд, продолжением особого, фантастического видения писателя. Писатель выбором таких имен для своих героев намеренно вызывает раздражение как одной, так и другой стороны, провоцируя недовольство и дразня их национальные чувства.

По такому же принципу образованы и некоторые другие имена собственные. Например, скромных совслужащих – героев своих сатирических рассказов и фельетонов – писатель называет громкими историческими именами. Так, председателя месткома зовут так же, как известного русского генерала – Румянцевым-Задунайским. Попадают также Тугай-Бег-Ордынские и даже Ян Собесский. Последний персонаж отличается от короля Речи Посполитой Яна Собеского, помимо королевского статуса, всего одним консонантом. Кстати, данный персонаж подал заявление об утверждении для него новой фамилии – совсем в духе советской эпохи - Соцвосский!

Несмотря на всю специфику, имена собственные, как и обычные лексемы вообще, как бы “привязаны” к той или иной эпохе. Имена собственные также могут устареть, выйти из употребления или, напротив, составлять реестр наиболее востребованных имен собственных в ту или иную эпоху. Если анализировать имена собственные булгаковских персонажей под таким углом зрения, то становится ясно, что некоторые из них являются красноречивыми свидетельствами своего времени, в них слышится отголосок эпохи. Этот “шум времени” отчетливо слышен в фамилиях Соцвосский, в именах Бебелина, Баррикада. Если для первого мотивирующей основой послужила фамилия известного революционера Бебеля, то для второго такой основой стало слово из обихода активной лексики прошлого столетия, породившей женские имена Сталина или Октябрина.

Впрочем, время, в которое жил и творил М.Булгаков, проступает и в других именах и фамилиях, лишенных какой-либо маркированности.

Например, среди его персонажей попадаются Стравинский, Преображенский, Кшесинский, Рубинштейн, Блох, Толмашевский и др., совпадающие со знаменитыми именами этой эпохи. Зачастую они отличаются лишь одним каким-либо звуком (Блох – Блок, Толмашевский – Томашевский и др.), другие же в точности повторяют известные фамилии. Возможно, на выбор этих имен собственных повлияли симпатии и антипатии самого автора, а также круг лиц, с которыми М.Булгаков тесно общался. Так или иначе, изучение языка произведений М.Булгакова не может обойтись без анализа семантики, словообразования и функционирования имен собственных, а также тех ассоциаций, которые они вызывают.

Использованная литература

1. С.В.Белов. Имена и фамилии у Ф.М.Достоевского. Ж - л «Русская речь», 1976, N 4, стр.27-31.
2. В.П.Шейнина. О чем говорят фамилии у Островского. Ж-л «Русская речь», 1983, N 2, стр.24-28.
3. Б. О. Унбегаум. Русские фамилии. М., «Прогресс», 1989, стр. 188-195.
4. М.А.Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах, Москва, «Художественная литература», 1989 г.
5. А.Ужанков. Коту под хвост. Литературная газета, №11-12 от 22-28 марта 2006г,стр. 2-3.